

На правах рукописи

Буйвол Максим Алексеевич

ВЛАСТЬ ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск - 2005

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры
Томского государственного университета

Научный руководитель:

кандидат философских наук
Буденкова Валерия Евгеньевна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Петрова Галина Ивановна
кандидат философских наук
Нургалеева Лариса Владимировна

Ведущая организация:

Томский политехнический университет

Защита состоится 3 марта 2005г. в 14 час.30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212. 267. 17 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, просп. Ленина, 36, ТГУ, главный корп., ауд. 119.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу г. Томск, пр. Ленина,34а

Автореферат разослан 3 февраля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.Е. Буденкова

Актуальность исследования по заявленной теме объясняется рядом обстоятельств философского, культурологического и научного характера. Во-первых, современная философия, провозгласив деконструкцию метафизики, отказалась от субстанциализма как исследовательского метода и вызвала необходимость переосмысления существовавших способов концептуализации взаимосвязи любых сфер природной и социальной реальности. Метафизический субстанциализм, объясняющий реальность из фокуса единого начала (субстанции) и абсолютной истины сменяется позицией современной философии, которая теперь видит возможность связи разных контекстов обоснования и только в их сцеплениях и переплетениях ищет истину. Истина по необходимости приобретает контекстуальный характер и принимает позицию, допускающую соотношения абсолютности и релятивности. Деконструкция единства истины имеет гносеологический резонанс, когда свидетельствует о разрушении ее гносеологической власти над классом, казалось бы, однопорядковых явлений, предметов, процессов, сущностей. В ситуации, когда легитимируется как единство, так и гетерогенность, как абсолютность истины, так и плюральность ее контекстуальных (культурных, повседневных, жизненных) смыслов, вопрос о ее гносеологической власти переходящей во власть политическую и приобретающей социокультурный характер, - вопрос, интересный для философии со времен Платона и всегда решающийся в ракурсе тоталитета единой истины, требует иных форм интерпретации.

Во-вторых, новый характер реализации властной силы истинного знания имеет культурный резонанс, когда современная информационно-коммуникативная (постиндустриальная, посттрадиционная, постсовременная и т.д.), культура связывает себя главным образом с трансформацией (конечно, в числе прочих факторов) знания. Знание приобретает информационную форму и как таковое дополняет свою гносеологическую власть, начиная играть решающую роль во властных социальных структурах управления.

Названный культурный резонанс сказывается во включении информации в широкий социальный контекст. Анализа требует изучение процессов реального функционирования информации в обществе, в том числе конкретного воздействия ее на властные отношения.

В-третьих, современная культура видится как культура постоянного и непрерывного становления, культура всегда находящаяся в залоге «пост-». Постсовременность или постмодернизм – это квалификации культурного состояния современности как культуры постоянной динамики, различных столкновений случайных траекторий движения, маргинальных пересечений и локальных детерминаций. Власть, обязанная «снимать» в ситуации культурной неустойчивости, непрерывность динамики меняет характер управления, которое становится не управлением какой-то предметной сферой, но управлением самим процессом движения. Такая власть не может связать себя с единым началом, в котором сосредоточена вся полнота знания – устойчивого и абсолютного. Его как такового, то есть устойчивого и абсолютного, теперь, в информационной культурной действительности, больше не существует. Знание превратилось в информацию, потоки которой постоянно меняются. Это вынуждает менять характер социальной структуры власти: она также становится гетерогенной и плюралистичной. Локальные детерминации санкционируют появление «микрофизики власти» (М. Фуко), схватывающей различные «облака социальности» (Ж.-Ф. Лиотар) и инициирующей появление «государства – минимума» то есть государства с «рассыпанным» административным управлением. В российской социальности, всегда настаивающей на идее государственности и державности и в то же время включающейся сегодня в мировое экономическое и политическое пространство, исследование этих процессов и их адаптации к отечественной почве приобретают особую значимость и актуальность.

Наконец, в-четвертых, современные научные поиски социологии, политологии, гуманитарной информатики и т.д. обнаружили радикальную модернизацию современной культуры под влиянием возникшей и заявившей

о себе социокультурной власти информационного знания: сегодня происходит утрата былого значения экономического роста, совершенствования жизни через решения традиционных вопросов повышения благосостояния, улучшения материальных условий жизни и т.п.. Как актуальные встали вопросы интеллекта, образования, насыщения любого труда интеллектуальным началом, возрастания роли и значения научного знания и т.п. В результате осуществившегося «смещения власти» возникают новые сферы культурной жизни, новые слои социальности, которые, теряя характер прежних классовых и стратовых характеристик, приобретают значение оверстратов. Особую роль в информационном обществе приобретает оверстрат интеллектуалов, который воплощает и материализует современную власть знания.

Итак, культура современного общества являет собой новый план соотношения знания и власти.

В философской, культурологической, социологической литературе названная тема приобретает серьезную разработку.

Философский план соотношения знания и власти поднимался со времен Платона, связывавшего управление в своем проекте идеального государства с философским родом деятельности и знания, а управителя – с мудростью. И в дальнейшем вся западноевропейская культура, рациональная по своему содержанию, отводила научному знанию важное значение. Можно даже полагать, что и все проекты совершенствования государственного устройства (от первых и последующих социалистов-утопистов до К. Маркса, а потом и российских большевиков) создавались как разумные и как на методологии базировали себя на идее власти рационального знания. Названные разумные проекты оказывались иллюзорными, но показателем был уже сам интерес к увиденной взаимосвязи знания и власти

XX век в философию и культуру вносит деконструктивистские процессы, когда деконструкция метафизики смещает в гносеологическом плане проблему истины с ее места центра, создает плюрализм смыслов в том плане, что, вводя проблему ситуативности, локальности, контекстуальности,

лингвистичности ее обоснования, легализует возможность ее гетерогенности. Об этом говорят сегодня представители феноменологической философии, герменевтики, экзистенциализма.

Проблема же настоящей диссертационной работы встает как результат замеченной и еще никем не исследованной области – соотношение гносеологического и социокультурного аспектов власти знания. Гипотеза состоит в том, что власть знания в информационном обществе выростала в историко-культурном плане из властной силы истины, которая характеризовала гносеологическую установку всей классической философии. Теоретическая реализация этой гипотезы может состояться через решение проблемы, сформулированной в следующей форме: : «Могла ли и если да, то каким образом, гносеологическая власть истинного знания, характеризующая как установка классическую философию, явиться культурфилософским основанием для расширения этой власти до социокультурного плана в современном - информационном обществе? Каковы социокультурные следствия этого процесса?» Утрата власти единой истины как задающей содержание и структуру научного знания и обеспечивающей единство же стиля научного мышления, идеалов и норм науки, деконструкция самого стиля мышления, как обязательно признающего «начало», «субстанцию», которые тоже обеспечивали бы власть над системой, однородного класса предметов – утрата всего этого, безусловно, имеет методологический резонанс в культуре. Резонанс сказывается в различных сферах, которые теперь тоже теряют необходимость быть едиными и центрированными вокруг субстанции. «Ризомный» (Ж. Делез) мир культуры – это культура современности, квалифицирующаяся в терминах поликультуры, «повседневности», (М. Хайдеггер, Б. Вальденфельс), «жизненного мира» (Э. Гуссерль) и т.п.

Проблема диссертационного исследования встает на этом фоне общих социокультурных трансформаций. Прежде всего изменяется онтология социальности и культуры. В качестве таковой сегодня предстает коммуникация (Ю. Хабермас, Д. Белл, В.И. Фуре, К. Хельд и др.).

Изменяется значение экономического фактора в социокультурной структуре (О. Тоффлер, В.П. Пугачев, А.И. Соловьев и др.), когда его властная сила уступает место информационной (знаниевой) власти (Р. Бахрах, М. Баратц, Д. Белл, Д. Рейман, П. Клотц, З. Бжезинский, Р. Гайблер и др.). Трансформации подвергается и политическая государственная сфера, где властные отношения меняют свой характер по образу и подобию того, что происходит в знании с научной истиной, а именно: власть государства, всегда представляющего собой центральную структуру общества «распыляется», происходит ее «смещение» (Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт и др.), все эти процессы имеют серьезные социокультурные последствия. Последние исследуются в работах М. Янга (возникновение меритократии – власти знания), Вл. Иноземцева, Э. Баталова, Р. Ларендорфа, З. Бжезинского, А. Турена, Ф. Махлупа и др. (появление «оверстрата интеллектуалов»), Д. Белла («новая революция в классовой структуре»), А. Горца, А.М. Орехова, Б. Губла, А. Хонора, А. Мартелла, А. Васильева, У. Брауна (новая природа бюрократии) Г. Маркузе, П. Дрекера, А. Ингледарда, Д. Белла и др. (возможность преодоления эксплуатации) и др. Но в целом, диссертационное исследование отвечает на вопрос: что происходит с властью в информационном обществе, когда знание превращается в информацию и в такой форме проникает не только в центральные государственные, но и во все периферийные структуры социальности и культуры?

Объект диссертационного исследования – информационное общество в его социокультурной интерпретации.

Предмет исследования – трансформация гносеологической власти истинного знания (легитимированной философской классикой и индустриальным развитием культуры и социальности) в социокультурную власть знания как информации в информационном обществе.

Цель исследования – дать культурфилософское обоснование трансформации гносеологической власти истины (как истинного знания) в

социокультурную власть информации (как знания) в информационном обществе.

Задачи исследования:

1. Обосновать возможность социокультурного и культурфилософского плана исследования информационного общества как концептуализированного в рамках осуществившейся деконструкции знания и превращения его с информацию
2. Обосновать «смещение власти» в информационном обществе в сторону знания, исходя из его превращения в информацию
3. Разработать культурфилософские основания появления новых стратификационных (осевых) структур в информационном обществе.
4. Выявить место оверстрата интеллектуалов среди новых осевых структур информационной социальности.

Методология и методы исследования

Диссертация выполнена в методологических рамках культурфилософского деконструктивизма, знаменующего философию XX века и принесшего утверждение об утрате силы метафизики как философского метода исследования (М. Хайдеггер, Ж. Деррида). Как методологический резонанс деконструктивизма для диссертационного исследования послужили теории коммуникации (Ю. Хабермас, В.И. Фуре, К. Хельд и др.), теории индустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт и др.), теория «смещения власти» и появления «оверстрата интеллектуалов» (Вл. Иноземцев и др.)

В качестве методов диссертационного исследования выступили: методы историко-культурной ретроспективы, культурного компаративизма, логико-методологической и социокультурной аналогии эмпирического наблюдения и культуфилософского обобщения.

На защиту выносятся положение о том, что эмпирически замеченные новые факты современной социокультурной действительности (превращение знания в информацию и возникновение информационного общества, становление информации основным производственным ресурсом

развития, появление новых социально – политических структур – оверстратов – и др.) имеют значение культурного резонанса осуществляющегося в XX веке культурфилософского деконструктивизма в стиле мышления и в способе философствования.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые ставится вопрос и обнаруживается возможность соотношения гносеологического и социокультурного аспектов власти знания, когда трансформация властных отношений информационного общества объясняется разрушением властной силы единой истины в ходе общего культурфилософского процесса деконструкции метафизики. В ходе решения поставленного вопроса достигнуты следующие результаты.

1. Выявлена взаимосвязь властных отношений в культуре информационного общества («смещение власти») в культуре информационного общества с разрушением тоталитарной власти системы, имеющей место в классической гносеологии и получающей здесь метафизическое обоснование.

2. Обоснованы трансформации современной культуры (возрастание роли знания и заступание его на место главного производственного ресурса и др.) через установление связи культурфилософского деконструктивизма и факта превращения знания в информацию.

3. Найдены философские основания (коммуникация как социальная онтология) появления новых социально-политических структур (оверстратов) в информационном обществе

4. Разработан культурфилософский план появления такой социально-политической структуры, как оверстрат интеллектуалов.

Теоретическая значимость исследования

Необходимо отметить, что в диссертации разработана теория трансформации гносеологической власти истинного знания, утвердившей себя в классической философии культуры, в социокультурную власть информации, заявившей о себе в информационном обществе. Теоретической разработке этот вопрос до сих пор не подвергался. Благодаря названной

теории получили философское обоснование социологические, культурологические, политические факторы, характеризующие современное информационное общество: «смещение власти», знание как ресурс власти, «оверстрат интеллектуалов», появление новых «осевых структур» в информационном обществе и др. Главным среди этих вопросов является вопрос о превращении знания в информацию.

Практическая значимость исследования

В ходе исследования разработан курс лекций «Коммуникативная природа информационного общества», представлены практические методологические рекомендации по изучению процессов информационного общества прежде всего основного из них - трансформация власти, приобретающей в информационной социальности коммуникативную онтологию, которая, по определению оказывается сопряженной с демократизацией культуры. Разработана методика изучения «микровласти» (по М. Фуко).

Апробация результатов исследования

Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры теории и истории культуры культурологического факультета ТГУ. Результаты исследования излагались на межрегиональных конференциях «Актуальные проблемы социальной философии» (2004-2005 г.г.), а также на международном конгрессе «Афинские чтения» (2004г.).

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, ставится проблема, раскрывается степень ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, его методологические и общетеоретические основания, излагается научная новизна и выносимые на защиту положения, результаты, к которым пришел автор, их теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Культурфилософские основания исследования соотношения знания и власти в информационном обществе» даются

исходные для анализа темы диссертации теоретические установки, аргументируется культурфилософский план исследования, обосновывается фактор трансформации знания в информацию и его значение для изменения характера властных отношений в условиях современной культуры.

Параграф 1.1. «Информационное общество как общество знания: проблематизация культурфилософского плана исследования» раскрывает характер современного социального и культурного развития в ракурсе его информационной специфики. Делается вывод о том, что информация, заступающая сегодня традиционное место знания и играющая его культурную роль, вызывает нестабильность, неопределенность, непрерывность социокультурного движения, его плюрализм, маргинальность и мультипликацию. Классическое знание, имея теоретически строгое построение, всегда выполнялось вокруг центральной гносеологической структуры – истины, - сообщало этой последней власть над всей его периферией. Она обуславливала логически выверенные, однолинейные и односторонне детерминированные гносеологические связи. Непререкаемость классической истины заставляла видеть и социальность в подобных же жестких, безвариативных и безальтернативных отношениях: социальность и культура представляли в таком взгляде устойчивыми.

Информация, став современной формой знания, в своих мелькающих и захлестывающих потоках смывает всяческий центр - истину как центр, которая в своем прежнем устойчивом состоянии просто не успевает складываться, чтобы держать общество в стабильном состоянии. Она в равной степени характеризует как центр, так и периферию. Такая роль информации, с одной стороны, «рассыпала» социальность и культуру, «разнесла» устои, их скрепляющие, «рассеяла» (différance – Ж. Деррида) уверенность в однолинейности и предсказуемости развития. С другой, - лишенное единой субстанции общество оказалось вынужденным принять в качестве источника существования само движение – движение информации прежде всего. Информационное общество становится обществом знания. В таком плане оно исследуется Ю. Хаяши, К. Кастельсом, А. Лаборитом, Дж.

Мартином, Ф. Уэбстером, Е. Масудой, Г. Стоуньером, Э. Гидденсом, Г. Кисинджером и др. Исследованию подвергаются массовое распространение интеллектуального труда, возросший объем научного знания, используемого в производстве, преобладание в социальной структуре сфер науки, образования, культуры по отношению к экономике. Это дало основание и возможность культурфилософского подхода к исследованию информационной социальности в отличие от имеющих место традиционного социально-экономического, или пострадиционного социально-технологического (Д. Белл, Д. Махлуп, О. Тоффлер, А. Турен, К. Масуда и др.) типов дискурса..

Этот процесс не мог не затронуть и исследования культурных аспектов властных отношений. Проблема власти – одна из доминирующих в истории и культурфилософских исследований, что связано с темой истины как ведущей в философии и проблематизирующей именно идею власти над знанием и культурой в целом. Своего рода террор, мягкий или жесткий, всегда характеризовал истину в системе культуры. Социальная справедливость и эстетический вкус, моральная норма, нравственный идеал и политический режим – все проверялось на соответствие научной истине. Ее властная сила не подвергалась сомнению. Родившись в сфере гносеологии и будучи связанной с метафизической по происхождению, власть истины в XX веке претерпевает деконструкцию. Традиционный тезис «знание – сила» реализуется теперь через информационную форму. Информация не держится как жестко центрированная, она, приобретая социальное значение, «разбегается» в различные социальные и культурные структуры, через которые начинает осуществлять свою властную силу. Отмечается снижение власти материального производства, экономического фактора, но активизируется власть знания. Возникает меритократия.

Д. Белл предлагает в анализе современной ступени культурного развития «осевой принцип», позволяющий взглянуть на процесс социальной эволюции не только как на смену форм собственности и общественно-экономических формаций, но и как на изменение статуса и природы знания,

актуализирующего взгляд на общество как на систему различного рода услуг. Услуги являют собой материализацию теоретического знания и превращают «интеллектуальные технологии» в ключевой инструмент принятия решений. Это модернизирует характер властных отношений: власть от экономического сообщества переходит и основывается на научных исследованиях и разработках. На смену «родовой элите» приходит «элита знания». Знания становятся условием реализации власти, превращаются в стратегический ресурс управления власти. XXI век – это век «общества знания» (knowled - based -ociety).

Итак, если основанием «общества изобилия» является экономика, то корни «общества знания» уходят в эпистемологию и гноселогию (П. Дракер, М. Кастельс).

В параграфе 1.2. «Власть знания и информации в процессе трансформации современной культуры» прежде всего дается интерпретация тезиса о превращении знания в информацию и уделяется внимание культурному значению этого фактора. Знание в отличие от информации рассматривается как оплачиваемая интеллектуальная собственность. Информация характеризуется своей отчужденной от носителя общественной формой. Знание же – локальное понятие и присуще всегда конкретному индивиду. Хотя в другом отношении - в отношении фиксации в нем причинных, необходимых, закономерных связей - оно является более общим, чем конкретная информация. Более того, в отдельных случаях информация может и не содержать знания.

Под влиянием процесса превращения знания в форму информации радикально меняется ландшафт современной культуры: 1. Возникает знаниевая индустрия; 2. общество базируется на экономике знания, которая принципиально меняет культуру, ибо знание сообщает человеку, образованию, социальной структуре, технологическому укладу, хозяйственной системе и т.д. адекватное времени состояние, позволяет развиваться в соответствии с общемировыми концепциями; 3. Возрастает роль образования как института, связанного с производством, хранением,

передачей и использованием знаний и меняющего качество жизни; 4. Возникновение особой социальной группы людей – «работников знания»; 5. Приобретение знанием стоимостной формы и превращение его в основную производительную силу и источник стоимости.

Итак, знание в форме информации осуществляет свой вклад в культурное развитие общества (основывает любого современного социокультурного процесса, базирует создание продуктов и сферы услуг, способствует решению проблемы качества жизни и т.п.) Под влиянием знания общество интеллектуализировалось, приобрело информационный характер. Это не могло не повлиять на изложение характера властных отношений.

Этот вопрос рассматривается в параграфе 1.3 «Смещение власти» в информационном обществе от центра к ее «микрофизике».

Поскольку информация ввергла все области социокультурного развития в постоянное движение, их сообщение и коммуникацию, то именно коммуникация рассматривается в качестве онтологии современной культуры. Информация порождает ин-новацию, которая, в свою очередь, инициирует технологический характер социальности и культуры, превращая их в поток постоянно провоцируемой новизны. Коммуникативно увиденное общество представляет собой тесное сцепление и переплетение всех сфер, которые каждая по отдельности и все вместе держатся самим движением.

Каков характер управления в такого рода социальности и культуры? Управление теперь не может исходить из единого центра, который, если бы имел место, стал бы неповоротливой властной макроструктурой, не успевающей следить, схватывать все спонтанные коммуникации, тесные переплетения коммуникативных связей. Поэтому в информационно-коммуникативном обществе осуществляется «дробление», «распыление» власти, переход ее на микроуровневый, низовой, эмпирически повседневный план («микрофизика власти», по М. Фуко). Кроме того, власть переходит не к тем, у кого в руках собственность, а к тем, кто владеет информацией.

Такие изменения получили название «смещение власти». Явные признаки такого смещения – «четвертая власть», медиократия, телекратия, информационная власть. В связи с этим появляются новые элиты, возникает новый принцип стратификации, когда определяют свое значение новые осевые, «вертикальные» структуры и на приоритетные позиции выдвигается класс «носителей знания». Представители новой элиты стали играть ведущую роль в формировании и анализе мнений, от которых зависят политические предпочтения.

«Микрофизика» и «микротехнология» - таковы возможности современной «распыленной» власти, ее «смещения» от публичности в сторону приватности (Ю. Хабермас), от фундаментального уровня центра – к «локалам» (Ж. Деррида), к локальным властным воздействиям периферии.

Глава II. «Социокультурные трансформации власти знания в информационном обществе» посвящена исследованию превращений, произошедших с властной силой, которой в гносеологическом плане всегда обладало истинное знание.

В параграфе 2.1. «Гносеологические аспекты власти знания в историко-культурной ретроспективе» отмечается, что истоки понятия власти не являются только социальными. Скорее, социальное употребление власти в целях насилия и регулирования общественной жизни есть следствие более глубинных корней – психологических и гносеологических. Стремление к приоритету как укорененное в человеческой природе отмечают психологи, видя его начало в биологическом существовании и философы, формулируя его в терминах «чувственный порыв» (М. Шелер), «жизненный порыв» (А. Бергсон), «жизнь – больше – чем жизнь» (Г. Зиммель) и др.

В гносеологии данное понятие рождалось и формировалось в контексте определения познавательной власти разума. Власть древнегреческого Логоса как власть разума, приобретшего в дальнейшем развитии философии облик декартового *cogito* или кантовского «чистого разума», - такой стала традиция всей западноевропейской философской мысли. Традиция претерпевает исторические трансформации, когда зародившись еще как

полагающая обязательное сопровождение разума этическим окружением (Сократ), в дальнейшем приобретает характер необходимого долженствования и саму этику начинает рассматривать как возможную и подлежащую для рационального познания (Кант). Но даже и в случае признания необходимой связи истины и человеческой добродетели (арете), даже их прямого отождествления разум человека устранял всякие замутняющие его контексты – чувственный, телесный, культурный. Разум властно освобождал знание от мира мнений (Платон), возвышал его до мира Истины как очищенной от всего случайного, неповторимого и уникального и допускающей лишь всеобщее, необходимое и закономерное. Сократ отстаивал принцип всеобщего господства разума. В природе это проявляется, считает он, как гармония и целесообразность во всем мироздании; в отдельном человеке – как господство разумной души над природным и неразумным телом; в обществе – как господство разумных законов и установлений, как правление знающих и как адекватное социально-политическое поведение. Исповедуя идею власти знания, Сократ не оставляет человеку даже морального выбора: выбор предопределяется знанием, поскольку добродетель – это знание, пороки и зло творятся лишь по незнанию, а преступления – от безумия. Истинное знание всегда, по Сократу, связано с суждениями о причинах, и ими обладают лишь философы, а потому именно они получают право на руководство и политическое лидерство. Политика, таким образом, оказывалась обусловленной философией. Это учение Сократа вошло в историю под названием «философ на троне». Философия становится средством достижения истинной власти потому, что она способна дать понимание истинных норм жизни. Основное значение в государстве должно иметь познание истины, и авторитет правления основывается на ее убедительной силе.

В эпоху Просвещения традиция власти истины утверждалась, когда с помощью именно научных знаний стали пытаться реализовать идею Прогресса. Просветители настолько доверяли разуму и так были уверены в

силе истинного знания, что высказывали откровенный оптимизм, полагая, что развитие общества представляет собой прямую дорогу к лучшему будущему. Вера во власть знания и разума укрепляла просветителей и являла собой общий рациональный настрой философии. В отдельных случаях (умонастроения социалистов-утопистов) эта вера и убежденность стимулировали создание рациональных проектов социального переустройства политических режимов.

В классической философии рационализм являлся методологией создания современного государства. По Канту, социальное развитие направлено к созданию совершеннейших монархий, которыми управляет чистый разум. У Гегеля история есть развертывание Разума, а поскольку Дух – это раскрытие природы Бога или разумное познание его плана, то «все действительное – разумно, и все разумное – действительно».

Итак, во всей историко-культурной схеме в качестве основного героя действует Разум. Культурфилософская мысль как будто собственным историческим ходом готовила тот этап, когда именно знание приобрело полную силу власти. Этот этап начался XX веком.

2.2. «Социокультурный аспект власти информации» рассматривает проблему власти информации, вставшую в XX веке. Информация превратилась в ресурс власти. Это означает, что и теоретически, и практически знание приобрело функцию власти, и философские предпосылки этого соединения, высказанные еще первыми философами, сегодня обнаружилось с явной необходимостью. Вопрос, поставленный и решаемый в истории как гносеологический, получил практическое, социально-политическое звучание. Современность даже расширила область применения знания в его управленческом значении: из сферы государственно-политического управления оно перешло во все социальные инфраструктуры. Современность переосмысливает знание только как гносеологическую категорию, сообщает ему социальную проблематизацию. Здесь, в области социальности и культуры, оно и приобретает характер ресурса власти.

Концептуальную интерпретацию знания как ресурса власти предложил одним из первых О. Тоффлер. Он явился автором идеи «смещения власти», которое выражается принципиальным изменением самой ее природы: власть, основанная на силе и богатстве, уступает место власти знания в формах информации, науки, искусства, этики. Власть знания соответствует «суперсимволическая экономика» и новый тип культуры. О. Тоффлером исследованы культурные источники, определяющие масштаб власти, - сила, богатство и знание. В эпоху информационного общества источники совместились, и знание подчинило силу и богатство. Это дало начало использованию информационных технологий «третьей волны», инициирующих «смещение власти», ее отход от капитала, богатства, денег. Капиталом - «символическим капиталом» - становятся знания, информация оказывается суперсимволической формой денег, соответствующей «третьей волне», а контроль над информацией дает реальную власть в экономической и в политической жизни. Власть смещается из сферы производства в сферу распределения, где концентрируется необходимая информация.

«Смещение власти» реформирует многие структуры. Так, подрывается сам принцип существования института бюрократии, бюрократические аппараты заменяются информационными системами компьютеризованного управления. Происходит эволюция промышленного производства в сторону «ментального производства», замены мускульной силы силой разума. Возникает новая форма демократии, которая предполагает разрушение централизованной системы власти, концентрирующейся на государственном уровне, но формирующейся в наднациональных властных структурах. Формируется в целом новая социальная реальность, которая теперь основывается на идеале разнообразия и неоднородности, вытесняющих ассимиляцию и гомогенность. Это разрушает идею и понятие «массы» «Мозаичная демократия» (Э. Тоффлер) и «микрофизическая власть» (М. Фуко) все в большей степени ориентируются на отдельного человека.

Знание сегодня диктует и новые критерии классификации стран: ими становятся «темпы развития», которыми та или иная страна идет к суперсимволической экономике. Природная ресурсная база не определяет больше степень развитости экономики, высокие технологии, основанные на знаниях, позволяют создавать искусственные аналоги жизненно важных ресурсов. Власть переходит к тем, кто контролирует знание, необходимое для создания этих ресурсов. Изменяется само понятие богатства: оно создается тогда, когда в результате новой информации нересурсы превращаются в ресурсы. Информация становится основным богатством общества. Утратили свое значение прежние способы увеличения национального богатства – накопление капитала, военные захваты и территориальные приращения. На первый план в этом отношении вышло использование новой технологии, переводящей «нересурсы» в ресурсы.

Изменилось соотношение науки и практики: в отличие от прошлого, когда пути науке прокладывал практический опыт, сегодня поток информации идет от науки к производству.

Итак, основным фактором роста национального продукта стал прогресс и власть знания. Именно поэтому экономическая и политическая власть переходит к производителям информации, преимущественно к сервису, обработке массы информационных услуг. Сдвиг к сервисному фактору в постиндустриальной экономике вывел на первое место услуги, связанные со знанием, – деловые и профессиональные услуги. Наиболее важной категорией работников становятся менеджеры, эксперты по вопросам организации. Они создают новое богатство путем приложения информации. Можно говорить и о других социокультурных последствиях власти информации: высокая степень развития телекоммуникационных сетей, доминирующая роль информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, компьютерные сети Интернет, появление нового вида рабочей деятельности – телеработы.

Все это свидетельствует о формировании мировой информационной экономики. Ее прообраз сегодня – сетевая экономика, которая базируется

на глобальной электронной среде с преобладанием в качестве важнейших производительных сил знаний и информации.

Параграф 2.3 «Социокультурная роль образования – института по производству и воспроизводству знания как информации» - исследует состояние наиболее важного института в структуре информационного общества – института образования. В широком смысле образование есть накопление индивидом информации и практического общества. Востребованность нового специалиста в информационно насыщенной социальной инфраструктуре обусловила модернизацию образования в направлении изменения его содержания и организационной формы сегодня образование вынуждено ориентироваться на процессуальность, быстрые и непрерывные изменения как общества, так и информации, его обслуживающей. В содержательном плане оно теперь не ограничивается усвоением и теоретическим описанием мира в его устойчивых, повторимых и необходимых связях, фиксируемых «основами наук». Оно должно перейти к освоению связей и отношений между теми состояниями мира, которые характеризуют его в его процессуальной «пульсации», в неповторимых «мгновениях» и калейдоскопической непредсказуемости. Увидеть процессуальность мира – основное направление современной модернизации образования.

Задачей реализации названной модернизации является переход к такому содержанию образования, которое бы представляло собой своеобразную методологическую инженерию. Знание в информационном обществе оказывается значимым не в своей мгновенной стабильности, но в своем постоянстве движения. Необходимо знать методы его «ухватывания» в мгновениях, в потоках информации. Образование приобретает коммуникативную онтологию и характеризуется тем, что теряет свой предметно-знаниевый характер и приобретает ориентацию на постижение самих способов работы по освоению каждый раз новых знаний, калейдоскопически меняющихся в информационной среде. Это позволяет схватить само движение знания, «разрывы» между его состояниями.

Образование становится институтом воспроизводства постоянно нового знания. В этом назначении оно является адекватным постиндустриальной, информационной социальности.

Особое внимание сегодня обращено к университетам, их «фонду знаний». «Новыми людьми» оказываются ученые, математики, экономисты и создатели новой интеллектуальной технологии. Т. Стоуньером высказан тезис, смысл которого заключен в том, что занятость и возрастание человеческого капитала, новые идеи и ценные отрасли промышленности – все это обеспечивается университетами. Промышленность организационно и территориально тяготеет к университетам, университеты порождают новые промышленные отрасли, образование становится самой большой отраслью современной индустрии.

Как инструмент коммуникативных знаний в образовании сегодня рассматривается и система научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, СМИ, типографии, издательства, театр, кино, радио, телевидение, почта и т.п. К индустрии знаний относятся информационные машины, компьютеры, контрольные и сигнальные системы и т.д. Нельзя в этом плане не назвать и всевозможные консультативные службы, отчетность, обработку и передачу данных. Но в числе всех перечисленных компонентов все-таки ведущее место принадлежит образованию

С социокультурной ролью современного знания и образования связывается и определившее свое значение явление «индустриализации науки», когда само промышленное производство становится сферой производства знаний. Возникают «корпоративные университеты», через которые осуществляется интеграция науки и образования в производстве знания, а образование становится сферой единения науки и производства.

Итак, современное образование строит свои программы как структуры, перед которыми стоит задача компенсировать огромные инвестиции, лежащие в основе контактов с промышленностью. В таком виде оно утрачивает качество института для общества и превращается в инструмент и средство в конкурентной борьбе за глобальное лидерство в

сфере высоких технологий. Поэтому университет превращается в эффективный инструмент власти, и это означает завершение, конец универсальной функции университета. Университет (как и образование в целом) сегодня рассматривается как дорогостоящий бизнес.

Как видим, знание уже не является только истиной. Оно стало предметом немедленного применения, технологическим вопросом (генетической инженерией, атомной инженерией, инженерией материалов, инженерией интеллекта). Информационное общество выдвигает на место промышленности (как когда-то играющей роль центра) знание и те социальные структуры, которые связаны с его производством - образование и науку. Они и становятся средством достижения власти. В них формируются новые социальные слои, в руки которых переходит власть.

Глава III «Смещение власти» и «оверстрат интеллектуалов» как социокультурные последствия трансформации знания рассматривает процесс возникновения новых осевых структур, возникших в результате «смещения власти».

3.1 «Информационные коммуникации, их значение в «смещении власти» раскрывается коммуникативная природа информационного общества. Информационно-коммуникативный характер социальности есть следствие превращения знания в информацию. Атрибут «информационное» применительно к обществу всегда дополняется атрибутом «коммуникативное». Коммуникации выступают как средство стабильности постоянно меняющейся социальности. Они же есть средство обмена, насыщения информацией всех сторон жизни общества и культуры и потому оказываются и средством реализации информационной власти.

В коммуникативной, информационной социальности власть переходит к тем, кто владеет знаниями. Это в литературе выражается в терминах «информационного тоталитаризма», «меритократии», «телекратии» и т.п. Наглядным примером такой власти может быть пример власти СМИ, рекламных агентств, научных и просветительских учреждений. Все они обретают статус стратегического фактора политических отношений.

Изменение источника власти не может не изменить природу стратификации и социокультурной дифференциации общества.

Параграф 3.2 «Стратификация информационного общества и статусные особенности «оверстрата интеллектуалов» объясняет появление новых социальных слоев, которые оказываются связанными не с экономическим фактором собственности, но с культурным фактором знания. Власть переходит к интеллектуалам, которые, не составляя отдельный традиционно определяемый класс, тем не менее выделяются в социальную синтетическую группу – оверстрат. Оверстрат интеллектуалов – группы обладателей интеллектуальной собственности - собственности, которая в прошлом никогда не являлась классово (стратово) образующим признаком. И сегодня этот признак, скорее, не дифференцирует общество на отдельные социальные слои, но, напротив, объединяет его по культурному принципу – приобщения к знаниям. Это синтезирующая общество страта, приобретающая значение в плане культурного статуса, поскольку ее объект собственности – информация и знание - является в большей степени культурным, чем производственным фактором. Оверстрат складывается из всех страт и различных профессиональных групп – из тех, кто владеет знаниями и высоким уровнем образования. Категориально оверстрат интеллектуалов оформляется в понятиях: «правлящий класс постиндустриального общества» (Р. Дарендорф), «техноструктура» (Дж. Гэлбрейт) , «работники интеллектуального труда» (Ф. Махлуп), «не-класс не –рабочих» или «неопролетариат» (А. Горц).

К культурным последствиям так определяемой социальной стратификации относится динамичность «knowledge-klass», которая рассматривается в качестве демократического источника власти, и преодоления классового характера общества. Есть и другая позиция по этому поводу (Ф. Фукуяма, Вл. Иноземцев), когда считается, что формирующийся «класс интеллектуалов» способствует беспрецедентному расколу социума на разные группы.

Сегодня можно говорить о человеческом, интеллектуальном, структурном и других видах капитала, не воплощенных в материальных объектах, а лишь персонифицированных в их конкретных носителях. Возникли термины «внутренняя собственность» (intra-ownership intraproperty), «несобственность» (non-ownership).

Вывод состоит в том, что собственность утрачивает свои статус и значение перед лицом знаний и информации. И потому сегодня «класс интеллектуалов», а не капиталисты обладают властью и влиянием

Параграф 3.3 «Оверстрат интеллектуалов как культурный фактор роста новых осевых структур в информационной социальности» отвечает на вопрос о месте нового класса среди других слоев и групп в социальной структуре информационного общества. Прежде всего следует отметить, что замена оси экономической собственности на ось «знание-информация» устраняет прежнее социальноеразделение общества, поскольку она (ось) теперь носит не экономический, но культурный характер. Конфликт в обществе, конечно, существует, но он основывается на неравном распределении человеческих возможностей, и разной степени эффективности использования персональных интеллектуальных возможностей для создания новых информационных производственных или социальных технологий. Классовый конфликт, таким образом, формируется в сфере культуры. Формирование класса интеллектуалов как культурной доминанты в социальной структуре говорит об изменении системы ценностей человека. Человек сам через образование и самообразование формирует в себе качества, делающие его представителем высшей социальной страты. Информация как ресурс обладает свойством, отличающим ее от традиционных ресурсов развития общества (собственности, например): ей присуща избирательность, ибо пользоваться ею может только человек достаточно высокого интеллектуального и культурного уровня. Это и наделяет ее владельца властью. Значительными знаниями обладает всегда относительно узкий круг людей, и условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться богатством, а

способность им пользоваться. Материальное богатство, благосостояние, в целом экономический фактор в информационном обществе видится в культурном фокусе.

Специфика новой осевой структуры в том, что ее представители не связаны общими интересами и поэтому не представляют политического класса. Нормы новой интеллигенции – нормы профессионализма.

Изменения, которые произошли в классовой и властной структурах, дали основание ввести в научный оборот новые политические единицы – ситусы. Так, Д. Белл говорит о четырех функциональных ситусах – научном, техническом, административном, культурном, а также об институциональных ситусах – экономическом предприятии, государственном учреждении, университете и научно-исследовательском центре, социальном комплексе и армии. Ситусы являют собой наиболее важные узлы политических связей, ибо определяются как вертикально расположенные социальные единицы.

Особое и наиболее важное место и значение в информационном обществе имеют три оверстрата: вещественных собственников, управленцев и интеллектуалов. В этом триумвирате происходит сдвиг как перемещение акцента с вещественной и управленческой собственности на интеллектуальную собственность, которая превращается в ведущий тип собственности. Это означает перемещение целых эпох: от экономической или индустриальной – к социокультурной, информационной или постиндустриальной.

В заключении диссертации формулируются основные выводы и намечаются возможные направления исследования проблемы в дальнейшем. Выводы:

1. Превращение знания в информацию в постиндустриальном информационном обществе свидетельствует о том, что оно дополняет свою гносеологическую функцию функцией социокультурной.

2. В этом качестве оно пронизывает и насыщает все области социальной жизни, является основным ресурсным фактором их развития,

заменяет существовавшие в этом качестве экологические ресурсы (материальное производство, формы экономической собственности, богатство, насилие и т.п.).

3. Это трансформирует институт социальной власти: он становится социокультурным по природе. Социокультурная власть знания вырастает из властной силы истины, которую всегда играла последняя в системе науки. Власть истины была санкционирована классическим стилем философского мышления. Культурфилософский деконструктивизм как реальность XX века изменил метафизическую ориентацию философии, чем легитимировал плюрализм, гетерогенность истины и поливластные отношения («микрофизику» власти).

4. Результатом приобретения знанием властной силы явилось «смещение власти»: власть перешла в руки владельцев знания. Стратификационно это выразилось в появлении «оверстрата интеллектуалов».

В диссертационном исследовании, таким образом, впервые в нашей философской литературе и литературе, содержащей культурологический анализ знания, поставлена проблема выяснения соотношения между гносеологической властной ролью истины в системе научного знания и властью социокультурного характера, которую приобрело знание в информационном обществе.

В качестве возможных перспектив исследования можно было бы рассмотреть проблемы власти информации в различных социальных сферах – экономике, литературе, искусстве и т.п.

Тема, поднятая в диссертации, являет собой основание для междисциплинарных исследований информационного общества. Культурологическое исследование сосредоточивает в себе возможность встречи представителей различных дисциплин.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Буйвол М.А. Информация как глобальный ресурс и формирование информационного сектора экономики в постиндустриальной формации. // В сб.: Актуальные проблемы социальной философии. Томск, 2004г., с.3-7.

2. Буйвол М.А. Развитие информационной индустрии и рыночных информационных систем: к оформлению нового осевого принципа социально-экономической организации. // В сб.: Актуальные проблемы социальной философии. Томск, 2004г., с.11-13.

3. Буйвол М.А. Природа власти в информационном обществе. // В сб.: Актуальные проблемы социальной философии. Томск, 2004г., с.11-13.

4. Буйвол М.А. К формированию национальной стратегии и программы развития информационного общества в России. // В сб.: Афинские чтения. Томск, 2005г., с. 141-143.

5. Буйвол М.А. Информационное общество: плюрализм интерпретаций и проблематизация культурологического плана исследований. // В сб.: Актуальные проблемы социальной философии. Томск, 2005г., с.41-44.

6. Буйвол М.А. Природа коммуникативной онтологии: к постановке вопроса. // В сб.: Актуальные проблемы социальной философии. Томск, 2005г., с.45-47.